

Успенский собор видишь задолго до станции, подъезжая к Смоленску. Он лучится из-за Днепра и крепостной стены своими золотыми луковками, сверкает на солнце крестами. И этот свет сразу успокаивает. Все на месте – собор, Годуновская крепость, а значит, и другие древности и святыни старого города. О них мы и поговорим сегодня с журналистом, искусствоведом и страстным исследователем, влюбленным в наш город, смолянином Владимиром Михайловичем Анিকেевым.

Ермаков. Владимир Михайлович, рад поздравить вас с завершением новой книги «В настоящем величественный». Про себя я называю ее коротко и объемно «Собор». Об Успенском кафедральном соборе Смоленска вы пишете не первый раз. Достаточно вспомнить книгу – о ней в «Литературной России» была заметка – «Святыни и подвижники смоленские». Но в новой книге содержится наиболее полная информация о соборе и о людях, так или иначе причастных к его строительству и жизни в веках. У меня сложилось такое впечатление, что вы и по ночам видели собор, когда работали над этой книгой, взбирались на хоры, светили фонариком на иконостас. Ведь днем это не так просто сделать... Святые отцы, по-моему, не очень-то мирволят новым исследователям. В книге вы на это не жалуетесь, но тем не менее, как говорится, между строк проглядываются эти трудности. Так ли это? Расскажите, пожалуйста, о своей работе над этой книгой.

Аникеев. Да, прежде чем была написана книга об Успенском соборе «В на-

стоящем величественный», в небольшом своём сборничке издания две тысячи шестого года «Святыни и подвижники смоленские» я опубликовал статью «Об Успенском соборе, его взрыве, «архитекте» Шеделе и авторе первого путеводителя». Здесь, ссылаясь на архивные источники, я «заступился» за патриотическую версию взрыва древнего собора последними защитниками города, которую активно стали исключать из смоленской (а значит, и из русской) истории, и впервые указал на мифического «сына» архитектора Готфрида Шеделя – Антона Ивановича Шеделя, который указан на мраморной доске на фасаде храма и повсеместно в литературе советского времени как автор проекта Успенского собора. В сволочные девяностые годы из нашего стоквартирного дома «вынесли» почти всех мужиков: от едва достигших совершеннолетия до не успевших ещё оформить пенсию. Враз очутившись на улице без каких-либо средств существования, на иждивении родителей – стариков-пенсионеров, высокообразованные жёны сменили конструкторские бюро на торговые палатки, а швеи и станочницы спешно дисквалифицировались в уборщицы; сильная же их половина отправилась рыскать по свалкам и разорённым производствам в поисках металла на сдачу в приёмные пункты или тайком отжигала от изоляции в оврагах срезанные провода. Утрата статуса «кормильца», безысходность и дешёвое «палёное» пойло быстро сделали своё дело и почти всё трудоспособное мужское население развезли по окрестным кладбищам. Я тогда переби-

вался случайно подвернувшимся скромным заработком мастера производственного обучения в ПЭТЭУ, благо, что училище находилось рядом с домом, и одновременно вёл шесть часов истории искусств в Смоленском православном межепархиальном духовном училище. Чтобы как-то отвлечь себя от тягостного полунищенского существования, я собрал свои статьи о смоленских святынях, публиковавшиеся ранее в газетах и сборниках материалов научных конференций, и написал ещё несколько новых. Поскольку средств на издание сборника у меня не было, мои куда более «продвинутые» друзья с готовностью отпечатали на ризографе сто экземпляров первых «Святыней и подвижников смоленских» и заработали на одном мне триста рублей, предоставив скидку двадцать процентов на десять экземпляров, и не выделив мне ни одного бесплатного авторского. Неказистая книжечка в бумажной обложке, продававшаяся только в одном музейном киоске, исчезла мгновенно: как мне объяснили, большую часть тиража скупили приехавшие в Смоленск на экскурсию москвичи – потомки смоленских дворян. Но одна из книжиц попала к состоятельному смоленскому предпринимателю. Он пожелал встретиться со мной и выразил намерение издать «Святыни» в «достойном виде» с цветными иллюстрациями. И действительно, финансировал издание книги в твёрдом переплёте, с иллюстрациями и довольно большим для Смоленска тиражом в тысячу пятьсот экземпляров. Более того, владелец тиража (мне, в качестве гонорара, досталось сто экземпляров, на сей раз бесплатно) провёл презентацию книги в областной универсальной библиотеке, получил у назначенного на смоленскую кафедру епископа Игнатия благословение на продажу книги в епархиальном магазине и послал один её экземпляр Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу по случаю

его патриаршей интронизации первого февраля две тысячи девятого года. Неожиданностью стало для меня появление, через некоторое время, на сайте Русской Православной Церкви в разделе «Епархии и Экзархаты» информации о выходе книги «Святыни и подвижники смоленские» с цветной обложкой и краткой аннотацией. Ещё большей неожиданностью стало то, что вскоре книгу сняли с продажи в епархиальном магазине города Смоленска. Владыка Игнатий был переведен в Москву викарным епископом, и среди клириков нашёлся злопыхатель, который внушил новому архиерею, что книга содержит какую-то крамолу. Это не заслуживало бы внимания, если бы мой благодетель – благочестивый предприниматель, владелец тиража, который охотно развозил книгу по храмам и безвозмездно передавал её настоятелям, не воспринял снятие её с продажи на Соборном дворе как «благословение» иного рода и убрал её везде. Примерно тысяча экземпляров исчезла неизвестно куда. В две тысячи тринадцатом году другой успешный предприниматель книгу переиздал, повторив её предыдущий тираж. Но и эта книга больше трёх лет пролежала под спудом, несмотря на то, что в две тысячи одиннадцатом году «Святыни и подвижники смоленские» были удостоены Диплома второй степени в номинации «Миротворчество и культура» на Всероссийском конкурсе «Наше культурное наследие», куда её направило Смоленское отделение Союза краеведов России. И только год, как книга находится в свободной продаже. Правда, в одном только месте – всё в том же церковном магазине на Соборной горе.

Ермаков. Вот это приключения одной книги! Всегда слышал, что у книг есть своя судьба. Ваша история убеждает в том, что это не выдумка.

Аникеев. К сожалению, книга издания две тысячи девятого года вышла еще до

начала крупномасштабных реставрационных работ по предалтарному иконостасу. У меня были здесь свои соображения, и я включил в те «Святыни» новую статью «В настоящем величественный», где помимо общей характеристики иконостаса высказал некоторые предположения о его происхождении. В частности, о двух его воплощениях: первоначальном, освященном епископом Гедеоном в тысяча семьсот сороковом году и вынесенном в «амбары», когда в сводах собора появились угрожающие трещины; и «приведённом в порядок и поставленном на место» после переделки завершения и внутреннего пространства собора в тысяча семьсот шестьдесят третьем – тысяча семьсот семьдесят втором годах при епископе Парфении и охарактеризованном в «Дневнике» Никифора Мурзакевича, как «в настоящем величественный». Неизвестно на чём основываясь, историк отнёс первоначальный иконостас к тысяча семьсот тридцатому – тысяча семьсот тридцать девятому годам, а его авторство Силе Михайловичу Трусицкому с тремя помощниками. Эта версия прочно утвердилась в смоленской историографии на два с лишним столетия. Но в архиве удалось обнаружить консисторские документы, где сообщается, что автором «гедеонова» иконостаса был «Града Киева житель резного дела Мастер» Сила Яковлев, который по рисунку «от него данному» отдал его «как резным, так столярным и плотническим делом впяť лет», то есть с января тысяча семьсот тридцать третьего по декабрь тысяча семьсот тридцать седьмого года. Это, в какой-то степени подтвердило версию о двух иконостасах, так как Силу Трусицкого «в его старости, успокоил в архиерейском доме до самой его кончины» именно епископ Парфений, при котором осуществлялась перестройка храма и «постановка на место» предалтарного иконостаса. А характеристика «в настоящем величественный» может свидетельствовать

о том, что иконостас подвергнется какой-либо переделке. На «сборный» характер существующего предалтарного иконостаса может указывать и то, что при расчистке его икон во время реставрационных работ две тысячи девятого года оказалось, что в большинстве своём они принадлежат к двум разным типам: одни – европейского, архаичного «ренессансного»; другие же – украинского барочного, «типичного для этого времени». Разглядывать иконостас при свете фонарика мне не доводилось, по окончании вечерней службы собор закрывается и сдаётся под охрану. Но высказанная идея эта кажется мне очень привлекательной – ведь изначально в восемнадцатом веке громадное внутреннее пространство собора освещалось только свечами. В трепещущих язычках пламени свечей таинственно мерцала позолота резьбы, колеблющиеся тени оживляли иконные лики, а скульптуры ангелов с высоты иконостаса зримо свидетельствовали о присутствии в храме высших небесных сил. И то, что сейчас так впечатляет своей торжественностью и парадностью, в то время, скорее всего, вызывало другие чувства: благоговение перед величием горнего мира и осознание земной своей ничтожности и греховности. А вот карабкаться по вертикальным лесенкам, соединяющим семь ярусов строительных лесов, пробираться по шатким деревянным помостам на почти тридцатиметровой высоте, без конца при этом пригибаясь под лампами и обходя металлические стойки, мне приходилось не раз. Порой даже приходила мысль: «Подняться-то я поднялся, а вот спуститься сумею ли?» Зато можно было рассмотреть «вплотную» красочные слои и определить характер грунта. К сожалению, большинство икон было неоднократно переписано (до четырех раз, включая и советское время), особенно большие утраты первоначального красочного слоя оказались на иконах деисусно-

го апостольского ряда. Даже центральная икона «Спас Великий Архирей», которая считалась единственной сохранившей первоначальный облик, оказалась под записями. Куда лучше обстояло дело с иконами праздничного ряда и большими иконами местного ряда. Но рассказ об иконах занял бы много места и, кроме того, этот раздел требует ещё специального серьёзного исследования.

Ермаков. И таким образом, из статьи и новых наблюдений выросла эта книга – «В настоящем величественный»?

Аникеев. Просто пришла пора, когда я понял, что книгу о Смоленском Успенском кафедральном соборе больше нельзя откладывать. К тому времени у меня давно уже лежали материалы из Российского государственного исторического архива (РГИА) о падении центрального купола во время переделки завершения собора в тысяча семьсот шестьдесят третьем – тысяча семьсот семьдесят втором годах и накопилось достаточно новых консисторских документов из Государственного архива Смоленской области (ГАСО), включая два уникальных полных контракта: на золочение московскими «подрядчиками золотарного дела» алтарной сени в «новоустроющейся» каменной церкви (Смоленском Успенском соборе) от девятнадцатого февраля тысяча семьсот сорокового года и на изготовление резного дела мастерами Андреем Мاستицким и Фёдором Олицким с помощниками шестнадцати киотов вокруг четырёх каменных столбов и кафедры для проповеди в Смоленской соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы от одиннадцатого июня тысяча семьсот сорок третьего года. Кроме того, к числу таких же редких, ранее не публиковавшихся документов, можно отнести роспись о выдаче резного дела мастерам съестных припасов: «сколько же когда по требованию их отдано», разного рода прошения, доношения, пометы, в которых содержат-

ся неизвестные ранее имена мастеров и сведения о выполнении работ. Чтобы всё это не пропало вдруг втуне, я, за месяц, в перерыве между двумя «ходками» в отделение неотложной кардиологии городской клинической больницы скорой медицинской помощи, собрал все накопленные материалы в книжку, дополнив их приложениями... Главным было, как это говорят, «вести в научный оборот» неизвестные ранее документы, вернуть в смоленскую историографию незаслуженно забытых исследователей Смоленского Успенского собора Дмитрия Кузьмича Вишневого и Сергея Дмитриевича Ширяева, высказать свои предположения о внутреннем убранстве собора, которые могли бы пригодиться будущим исследователям. Не мог я отказать себе в удовольствии поместить в книгу тексты обнаруженных документов в современном их правописании. Читать рукописи восемнадцатого века нелегко: бумага ручной отливки, порой ветхая, пожелтевшая, неровно, не по формату, обрезанная по краям, а иногда и просто оторванная; чернила из дубовых «орешков» на листьях – порыжевшие, выцветшие, местами едва или вовсе неразличимые. Отдельные буквы имеют не только до полутора десятков вариантов написания, но и несколько разных графем. Элементы некоторых букв русской скорописи восемнадцатого века плавными росчерками могут заходить на верхнюю и на нижнюю строки, перемежаясь в интервалах с диакритическими знаками – титлами. А ещё множество непонятных, давно вышедших из употребления, устаревших слов. Читать без усилий можно разве что ровные строки канцеляристов. Зато каков язык! Архаичный, но живой, без иноязычных заимствований (кроме церковной терминологии) и устоявшихся впоследствии канцелярских оборотов, сочный, эмоционально окрашенный, передающий дух времени. Разбирать подобные рукописи и перево-

дить их в современное прочтение – это всё равно, что писать исторический роман, только достоверность здесь порой оказывается гораздо занятнее вымысла.

Ермаков. Полностью с вами согласен, Владимир Михайлович. Правда, основываюсь на опыте чтения таких вещей, как «Слово о полку Игореве», «Слово о гибели земли Русской»... Поэзия древних документов требует многожды большего внимания, времени, сил. Но вы ее сумели передать и в книге «Святыни и подвижники смоленские», и в новой книге о соборе, чтение которой доставит истинное удовольствие любителям древностей... Хотя собор и не древен, построен-то в семнадцатом веке, но дух его, конечно, древен. Иногда, во время службы, когда приглашен свет люстр и горят одни свечи, эта старина – даже и основателя первого собора, Владимира Мономаха, – и накатывает на тебя. Собор – такой разрыв в профанном времени, что несется автомобилями рядом, по улице Большой Советской. Здесь течение времени иное, его называют сакральным, священным. Помню, в школьные годы мы за этим сюда и ходили, впрочем, не понимая, за чем именно. Сбегали с первомайской или ноябрьской демонстрации и глядели сверху на людскую реку в кумаче, с лозунгами, – это была река времени, ее современность. И она огибала стопы собора, как бы хранилища иных времен. Это захватывало воображение.

Аникеев. В начале шестидесятых у нас, старших школьников, насколько я помню те времена, потребность в «выражении» своего религиозного чувства возникала только раз в году. Главной доблестью было попасть, просочившись через милицейские кордоны, в Успенский собор на всюнощную во время пасхального богослужения. Выставление кордонов у входа на соборную территорию было мерой разумной, поскольку разудалая молодежь за-

бирала бы всё пространство собора, лишив верующих возможности отстоять главную свою, а может, и единственную в году, праздничную службу. Действующие храмы в Смоленской области тогда можно было пересчитать по пальцам; в самом городе, помимо Успенского собора, была открыта для верующих (в подавляющем большинстве – это были немощные уже старушки, вдовы солдат Великой Отечественной войны) ещё только одна небольшая церковь Спаса Нерукотворного на Рачевке, известная как Окопная. В те годы, когда первый секретарь ЦК КПСС и глава правительства Никита Сергеевич Хрущёв обещал показать советскому народу «последнего попа», собор в основном пустовал и больше служил неофициальным экскурсионным объектом, куда смоляне охотно водили своих приезжих гостей, чтобы те насладились невиданной красотой внутреннего убранства храма. В начале шестидесятых там, у соборных стен, я впервые приобщился к истории как к науке. Правда, на первых порах в качестве землекопа. В летние каникулы по объявлению в газете я устроился работать в сезонную Смоленскую архитектурно-археологическую экспедицию, которую возглавлял профессор МГУ, доктор исторических наук Николай Николаевич Воронин.

Ермаков. Тот самый?

Аникеев. Да. В тот сезон Николай Николаевич в основном находился со своими студентами, проходившими археологическую практику, на раскопе у существующей и поныне Воскресенской церкви, где у её юго-западного угла были обнаружены остатки большого городского храма конца двенадцатого – начала тринадцатого века с фрагментами фресковой росписи. Мы же, местные подростки и взрослые постоянно «временные» безработные, перебивавшиеся случайными заработками, – «бичи» (понятия «бомж» тогда ещё не было) копали с восточной, северной и западной

сторон Успенского собора – разведочные траншеи (с южной стороны – от ворот до ворот – был уложен асфальт, и «ковырять» его не разрешили). Как стало потом понятно, мы искали остатки древнего «мономахова» собора. Надзирал за нами Павел Александрович Раппопорт, тоже доктор исторических наук, соратник Воронина, представлявший Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Работа была нелёгкой: в летний зной, с киркой и лопатой, грунт представлял собой спрессованный с землёй и раствором кирпичный щебень. Перед работой нас проинструктировали: показали тонкий «греческий» кирпич – плинфу, из которого возводили древнерусские храмы домонгольского времени; объяснили, что крушить или раскалывать ничего нельзя, крупные куски кирпича осматривать – на них могут быть знаки и клейма, кусочки цветной штукатурки в отвал не выбрасывать, а складывать. Самой ценной находкой считался фрагмент штукатурки с ликом, ну и, само собой разумеется, разные монетки и металлические предметы. Распорядок был установлен: пятьдесят минут работы и десять минут отдыха. Щупленький Павел Александрович в шёлковой тенниске с коротким рукавчиком и в белой капроновой шляпе сидел на стульчике так, чтобы все были на виду, и хотя постоянно что-то записывал в блокнот и вычерчивал на планшете, обтянутом миллиметровкой, успевал замечать тех, кто норовил «сачкануть». Бывало, что в адрес одного из таких ловкачей звучало интеллигентное: «Вы больше на работу не выходите. Расчёт получите по окончании сезона в конторе музезя». Время от времени приходил к нам Николай Николаевич. Уважением он пользовался громадным. В тысяча девятьсот шестьдесят пятом году за монографию в двух томах «Зодчество Северо-Восточной Руси» XII–XV вв.» Воронин, первым среди учёных-археологов, был удостоен Ленин-

ской премии – высшего в то время признания научных заслуг. Рабочий люд тоже быстро признал его авторитет и берегал для него самые интересные находки. Нужно было видеть, как все сразу тянулись к нему, когда он появлялся на раскопе, и какой радостью озарялось его лицо, когда ему протягивали кусок плинфы с необычным клеймом. Тогда же звучало его знаменитое раскатистое: «Роскошно!». Представительный, с мощной сократовской головой, он, казалось, излучал какую-то интеллектуальную энергию, которая неудержимо влекла в мир его мыслей. Сам он всегда охотно делился своими познаниями, рассказывая о древнерусском зодчестве, смоленской истории, о том, что ему хотелось бы здесь найти, и открытые нами развалины преображались в нашем сознании в совершенные архитектурные формы. В следующем году я бросил дневную школу, перевелся в вечернюю, попутно окончил ещё Смоленскую автошколу, устраивался потом на разные работы, в том числе и водителем в городское автохозяйство, но когда наступало время, уходил опять «копать» древние смоленские храмы. Так четыре сезона подряд. Впоследствии это вылилось в то, что темой моей институтской дипломной работы в тысяча девятьсот семьдесят первом году стал проект реконструкции церкви Иоанна Богослова двенадцатого века в Смоленске – чертёж предполагаемого первоначального облика храма в аксонометрии. Пояснительную записку к дипломной работе я легко написал за три ночи, поскольку всю эту мудрёную «атрибутику» древнерусского зодчества: куски лекальных кирпичей, поребриков и аркатурных поясков, остатки свинцовой кровли, поливных плиток пола, плинф, с самыми разнообразными знаками на торцах и клеймами на постельной части, кусочков штукатурки с орнаментальными фресками и без, я многократно «передержал» в руках, а многоуступчатые

лопатки, погребальные ниши – аркосидии, основания вертикальных тяг на апсидах и всё остальное прочее «выгребал» лопатой из груд утрамбованного щебня и многовековых наслоений «культурного» слоя.

Ермаков. А в те времена там была какая-то автобаза. Помню, какие-то грузовички во дворе со спущенными колесами, бочки с горючим, мусор, железо, покрышки. Уже в начале восьмидесятых мы с другом фотографом Володей Русецким, почитатели «Памяти» Чивилихина и «Андрея Рублева» Тарковского, делали репортаж об этом храме и еще о Свирском для молодежной газеты. Но тогда эта тема была в высшей степени не актуальна. Материал не опубликовали. И мне хочется задать вам один вопрос...

Аникеев. Хорошо, но сначала я закончу о Воронине и Раппопрте. Так вот, Воронин возглавлял экспедицию по тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год, затем, после перерыва, с тысяча девятьсот семьдесят второго по тысяча девятьсот семьдесят пятый год, её работой руководил Раппопорт. В тысяча девятьсот семьдесят седьмом году вышла в свет уникальная для Смоленска (и не только) книга «Смоленская живопись XII–XIII вв.», которую Воронин подготовил к изданию, будучи уже тяжело больным. В введении учёный указал, что публикуемый материал о древнесмоленской живописи не исчерпан, так как остаются еще неразобранными тысячи фрагментов, находящихся в фондах Эрмитажа и Смоленского музея. Но «ожидать завершения этих процессов и задерживать публикацию автор считал опасным, так как он мог не дожить до их окончания». Книга «Смоленская живопись ...» вышла уже после смерти учёного – четвертого апреля тысяча девятьсот семьдесят шестого года его не стало. Лишь в тысяча девятьсот семьдесят девятом году в Ленинградском отделении издательства «Наука» вышла монография Воронина и

Раппопорта «Зодчество Смоленска XII–XIII вв.» С тех пор такого значимого научного труда по истории Смоленска (и домонгольского зодчества вообще) не издавалось. Если подростком я взахлёб прочитал, а затем многократно с любого места перечитывал «Петра Первого» Алексея Толстого, то в 30-летнем возрасте отвлекался от превратностей жизни тем, что погружался в чтение глав монографии выдающихся учёных, полной разных научных выкладок с размерами кирпичей, уровнем подсыпки пола, составом теста майоликовых плиток пола и так далее... Теперь давайте ваш вопрос.

Ермаков. Признаться, мне захотелось об этом спросить сразу, как только вы упомянули проклятые девяностые годы. Хотя и нет особого желания приплетать тут политику, но тем не менее. Уже не первый раз приходится слышать такие-то определения девяностым. Помню, в соборе одна пожилая дама в разговоре со мной кляла Ельцина и новые времена. И говорила, что часто ходит не в собор, а в Свирскую церковь. Я не удержался и спросил, если так плохи эти времена и Ельцин, то как же так получилось, что не в советскую эпоху открыли Свирскую церковь и другие домонгольские храмы Смоленска? Мы с друзьями, с тем же фотографом Русецким, и предположить не могли, что это произойдет, что из Свирской церкви уберут какие-то громадные рулоны технической бумаги, бочки с гудроном, что начнутся там службы, и друг будет крестить там падчерицу, а я стану ее крестным. Фантастика! Легче было поверить в приземление летающей тарелки на Красной площади. Тем не менее, все это произошло в новые времена, в проклинаемые всеми девяностые годы. Что-то тут не так. Может быть, вы, Владимир Михайлович, объясните этот парадокс? Время скверное, правитель под стать, а земля возрождается? Чивилихин не дожид до перестройки, но он явно был

бы солидарен со всеми, клянущими девяностые годы. Но разве не должны мы быть благодарны за восстановление вот хотя бы смоленских святынь, домонгольских храмов: Свирской церкви, Петра и Павла и Иоанна Богослова? И не просто восстановление произошло. Церкви-то живые. Мы сейчас не касаемся других сторон жизни и современности. Что вы скажете на это?

Аникеев. Мне тоже не хочется лезть туда – и так, в связи с событиями на Украине, всё информационное пространство забито политиканством. А у меня под письменным столом «не переведённых» ещё рукописей восемнадцатого века на пять лет и других замыслов ещё на столько же. Но раз уж я упомянул эти «сволочные» девяностые, то должен ответить. То, что получило определение, как «крупнейшая геополитическая катастрофа века» ещё получит свою историческую оценку и в отношении её творцов, хотя и так всем ясно, что предательство одного лидера, приведшее к распаду державы, и санкционированное другим лидером циничное разграбление страны – принесли неисчислимые бедствия её народу.

Распоряжение Президента Ельцина тысяча девятьсот девяносто третьего года «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» было актом восстановления справедливости. Но вряд ли партийный функционер, достигший высот должности кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС и уничтоживший в Екатеринбурге (вроде бы, как по указке свыше) «ипатьевский» дом, место гибели помазанника Божия императора Николая Второго и его венценосной семьи с прислугой, вдруг покаяться и стал человеком верующим. Скорее всего, это был акт «декоммунизации» по-большевистски – в угаре противостояния, в пику коммунистам. Распоряжение это разожгло конфликтную ситуацию между Русской право-

славной церковью и многими учредителями культуры, располагавшимися в бывших храмах и монастырях и оказавшимися без крыши над головой (многие из них просто закрыли). Лишь в две тысячи первом году было принято постановление Правительства РФ, хоть как-то упорядочившее эту передачу. Выдающийся российский реставратор и искусствовед, глубоко верующий человек Савва Ямщиков в одном из последних своих интервью сказал: «Церкви должно быть безоговорочно возвращено всё ей принадлежавшее. Но не такими большевистскими методами». Ельцина, как и перед ним Горбачёва, наш доверчивый народ принял за пророка, который выведет его в светлое царство, но сорока лет скитаний по пустыне не понадобилось, уже через несколько лет ельцинского правления страна свалилась в пропасть. И Ельцин, с его командой, оставшись наедине с обманутыми и обобранными людьми, крайне нуждался в Церкви, авторитет которой оставался у народа высоким. Поэтому в то время, когда люди буквально голодали, Ельцин возрождал в Москве громадный собор Христа Спасителя, как будто для страны это было самое первостепенное дело. Для него, как для Сталина возрождение патриаршества в тысяча девятьсот сорок третьем году, в трудное время, – это была политическая необходимость. Сам же Ельцин храмы не реставрировал, а отдал распоряжение о баснословно дорогой реставрации Большого Кремлёвского дворца, очень уж хотелось ему ощущать себя государём всероссийским.

Однако обратимся к смоленским храмам домонгольского времени. Положение здесь просто бедственное. Рискуют оказаться погребёнными под слоем мусора руины монастырского храма на Протоке конца двенадцатого – начала тринадцатого веков, фрески которого, снятые археологической экспедицией тысяча девятьсот

шестьдесят второго – тысяча девятьсот шестьдесят третьего годов, экспонируются ныне в Государственном Эрмитаже в отдельном зале. Практически полностью уничтожены новыми могилами остатки большого храма также конца двенадцатого – начала тринадцатого века на юго-восточной оконечности Окопного кладбища, давно «закрытого» для захоронений. Уничтожены коттеджной застройкой руины соборного храма Спасо-Чернушенского монастыря рубежа двенадцатого-тринадцатого веков по Второму Краснофлотскому переулку. Подмываемые днепровскими водами, разрушаются вблизи бывшего устья речки Кловки остатки собора Троицкого монастыря конца двенадцатого – первой трети тринадцатого века. Мало того, черные копатели активно ведут здесь свои поиски, разрушая кирпичную кладку памятника. Ощущение безнадежности усугубляется тем, что и поныне на пустующих ещё некоторых участках улиц, прилегающих к левому берегу Днепра, без археологического обследования, копаются котлованы и возводятся особняки «всемогущих» горожан, и неважно, кто они – властные чиновники или владельцы бензоколонок, для них – это престижное место. Территория эта должна быть тщательно охраняемой, а она, судя по всему, уже вся распродана в частную собственность до последнего кусочка. Сохранившиеся древние храмы (в Смоленске – их три!) тоже подвергаются неоправданным изменениям. Церковь Петра и Павла середины двенадцатого века была реставрирована в тысяча девятьсот шестьдесят втором – тысяча девятьсот шестьдесят третьем годах в преддверии тысяча столетия Смоленска. Богослужения в храме были возобновлены двадцать шестого мая тысяча девятьсот девяносто первого года, за две недели до провозглашения суверенитета России. Возрождению в советское время в первоначальных формах

этого уникального храма мы полностью обязаны архитектуре и реставратору Петру Дмитриевичу Барановскому, уроженцу Дорогобужского уезда. Подвижническими его трудами спасен от разрушения собор Покрова в Москве, известный больше как храм Василия Блаженного, восстановлены Казанский собор на Красной площади, Троицкий Болдинский монастырь на Смоленщине, дивная Одигитриевская церковь в Вязьме. Всего более семидесяти архитектурных памятников. Но вы не найдёте ни в Смоленске, ни в Дорогобуже ни улицы, ни памятника, ни даже мемориальной доски в честь смоленского подвижника. Лишь недавно в Вязьме в Иоанно-Предтеченском монастыре на фасаде Одигитриевской церкви открыли памятную доску в честь выдающегося учёного.

Мне уже доводилось десять лет назад писать, что церковь Петра и Павла находится на улице Кашена (прежде – Петропавловской), переименованной в честь французского коммуниста, проезжавшего Смоленск по пути в Москву и выходявшего на перрон железнодорожного вокзала. Есть в Смоленске улицы, названные в честь Якова Михайловича Свердлова, одного из организаторов убийства царской семьи и Моисея Соломоновича Урицкого, кровавого председателя Петроградской ЧК. А какое отношение к Смоленску имеют Семён Михайлович Нахимсон, бывший председателем Ярославского губисполкома, Володарский (Моисей Маркович Гольдштейн), комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда, и Леонид Борисович Красин, министр внешней торговли в правительстве большевиков, именами которых названы смоленские улицы? Одни из главных магистралей города – это улицы Дзержинского и Кирова. Именем палача царской семьи Петра Лазаревича Войкова названа одна из древнейших улиц Смоленска, которая прежде называлась Большой Воскресенской и где стоит недавно

заново освящённый храм Воскресения Господня восемнадцатого века. Та ли это историческая память, которую мы должны сохранять?

Реакции никакой, всё так и осталось. Чего ждёт наша демократическая власть, заседающая в областной и Государственной Думах, представляющая область в Совете Федерации? Когда её сменит другая и начнёт переименовывать эти улицы? Как на Украине в честь американского сенатора-руссофоба Маккейна.

Ермаков. Что касается названных вами улиц, - я полностью согласен. Включил бы в этот список еще и памятник Ленину на площади его же имени, да и памятник Крыленко, председателя Верховного трибунала при ВЦИК, прокурора РСФСР и СССР в тысяча девятьсот двадцать втором – тысяча девятьсот тридцать первом годах. Хотя и Николай Второй мне не кажется деятелем лучшим по сравнению с этими двоими да и с теми, кого вы только что назвали. Взять, например, Ленский расстрел или Кровавое воскресенье. Повинных в этих злодействах так и не наказали должным образом, пусть даже лично царь и не отдавал приказа стрелять. Своим безволием он расписался под этими деяниями. Но вернемся к храмам Смоленска.

Аникеев. Церковь Иоанна Богослова построена в период первого княжения в Смоленске князя Романа Ростиславича между тысяча сто шестидесятым и тысяча сто семьдесят четвертым годами. Передана епархии в мае тысяча девятьсот девяносто третьего года, приход зарегистрирован в девяносто четвертом году. В девяносто четвертом – девяносто пятом годах прошлого века в интерьере храма установлен иконостас. Освящение храма и первое богослужение совершены двадцать первого мая тысяча девятьсот девяносто пятого года. Понадобилось ещё более двадцати лет, чтобы освободить территорию храма от неприглядной ба-

ральной постройки и сараев, закрывавших главный фасад церкви. Недавно церковь Иоанна Богослова получила с западной стороны современные «офисные» двери, исказившие облик памятника. Сообщается также, что расчищен и подготовлен фундамент для восстановления колокольни, пристроенной к древнему храму вместе с приделом в честь Андрея Смоленского и Переяславльского чудотворца в тысяча восемьсот двадцать седьмом году и взорванной гитлеровцами в тысяча девятьсот сорок третьем году. Осуществление этого проекта, какими бы благими соображениями не руководствовались его авторы, будет равноценно уничтожению памятника древнего зодчества, поскольку совершенно изменит среду, окончательно «стерев» следы древности, сохраняющиеся ещё на фасадах церкви, и создаст угрозу уничтожения остатков находящегося к западу от новодельной колокольни другого уникального памятника зодчества двенадцатого века – «смоленской ротонды».

Ермаков. Вы сказали, что третью домонгольскую церковь Смоленска неверно называют Свирской. Почему? Мне она с детства известна под этим именем.

Аникеев. Полное название этой церкви – в честь Чуда Архистратига Михаила в Хонех. Это о ней с восторгом писал летописец: «такое же несть в полунощной стране, и всим приходящим к ней дивитися изрядной красоте ея, иконы златом и серебром, и жемчугом, и камением драгим украшены, и всею благодатью исполнена». Ещё до революции за церковь закрепилось название «Свирская», что, по-видимому, объясняется пристройкой к ней в тысяча семьсот тридцать третьем году придела в честь Александра Свирского. В тысяча девятьсот девяностом году, ещё при СССР, храм передан Смоленской и Вяземской епархии, богослужения возобновлены в девяносто первом году. Но ещё в тысяча девятьсот семьдесят пятом году архитек-

тором Сергеем Сергеевичем Подъяпольским был разработан проект реконструкции храма. Реставрационные работы были проведены лишь частично, не было восстановлено даже трехлопастное завершение фасадов притворов храма, хотя в Великом Новгороде подобную же церковь Параскевы Пятницы, построенную десятилетием позже, реконструировали почти полностью. Церковь Архангела Михаила построена в западном предместье Смоленска на Смядыни. Место это святое, отмеченное в православной нашей истории злодейским убийством князя Глеба (князя-страстотерпцы Борис и Глеб – это первые канонизированные русские святые). В мае тысяча девятьсот девяносто первого года во время празднования в Смоленске Дня славянской письменности здесь был установлен памятный гранитный камень. Что же сейчас можно увидеть в святом, общерусском, связанном с раннехристианской историей Древней Руси месте, в бывшем устье реки Смядыни, там, где было брошено тело князя Глеба и когда-то находился святой колодец? Памятный крест на краю замусоренного, заросшего сорняками пустыря, скукожившегося до размеров находящихся в земле остатков древнего собора Борисоглебского монастыря и соседней церкви Василия двенадцатого века. Остальное пространство заполнили особняки хозяев «долины бедных», как теперь называется это место в Смоленске.

Ермаков. Святой источник там выглядит смертельно опасным для жизни. А когда-то этот источник считался целебным. Сохранились сведения, например, о муромском купце, моем однофамильце, который излечился здесь от болезни ног и в дар поставил помост и вызолоченный крест.

Аникеев. Неопределённой остаётся дальнейшая судьба уникальной церкви Архангела Михаила. В последние годы в храме открыты фрагменты фресок двенадца-

того века, но внешний вид его остаётся в состоянии «фрагментарной реставрации с восстановлением точно документированных элементов декора двенадцатого века при сохранении поздних наслоений». На западном фасаде церкви Архангела Михаила не сумели сохранить под искореженным шатриком уникальную фреску двенадцатого века в нише южного притвора. Недавно на территории церкви к западу от храма был установлен кенотаф (надгробный памятник на условной могиле, не содержащей останков покойного) в честь известного смоленского дореволюционного краеведа, основателя Смоленского историко-археологического музея Семёна Петровича Писарева, бывшего церковным старостой приходской общины церкви Архангела Михаила и похороненного на церковном кладбище, разорённом и ныне не существующем. К сожалению, памятник этот оказался не соответствующим стилистике времени захоронения (тысяча девятьсот четвертого год). Прежде всего, по материалу: «дешёвому» ширпотребовскому прессованному «чёрному мрамору», наводнившему ныне городские кладбища (в архиве сохранилась запись: «Памятник – железный крест на каменной подставке»). И совсем уж непозволительно указание в основании современного памятного знака, что Писарев был «старостой Свирской церкви», каковой в Смоленске никогда не было. Это иллюзия, что земля наша возрождается. Выделяющиеся в масштабах страны мизерные суммы не позволяют даже законсервировать уникальные памятники, сохранить их от разрушения. И процесс этот идёт быстрее, чем возрождение церквей. Да и расходование средств вызывает иногда недоумение, хотя, вроде бы, это не частных лиц дело. В две тысячи одиннадцатом году я опубликовал в местном издании большую статью «О памяти и памятниках», где написал: «К сожалению, свой «вклад» в искажение исторического

облика города стали вносить те, кому по долгу службы положено его сохранять. Подлинная реставрация, которая в храмах с особо ценными иконами и фресками должна длиться десятилетиями, подменяется ныне стремительным (пока ещё выделяют деньги) изготовлением в значительной степени новоделов. Коммерческая реставрация, как платное обучение, – результаты могут проявиться лет через десять – пятнадцать и они могут оказаться ужасающими. Только за обучение платит сам обучающийся, а за реставрацию – государство. И деньги на реставрацию нужны огромные, а настоящих специалистов единицы. И тех могут, по гуманитарным соображениям, отправить в Париж на восстановление Собора Парижской Богоматери.

Говорят, что всего на пять лет. А у нас горят свои северные храмы – эти бесценные свидетельства национального гения – простого русского крестьянина, одним топором возводившего дивные церкви. Только если раньше они горели от преступного небрежения – из-за отсутствия грошевого молниеотвода, то теперь их уничтожают сознательно. Подлинной трагедией стал поджог десятого августа две тысячи восемнадцатого года деревянной Успенской церкви тысяча семьсот семьдесят четвертого года в Кондопоге, который совершил подросток-сатанист, приехавший к бабушке в гости. Предшественница сгоревшей церкви также в конце шестнадцатого века была сожжена, когда в результате проигрыша Иваном Четвертым Ливонской войны враги – шведы хозяйничали в Карельском уезде. В этом есть какая-то историческая закономерность. Хотя, казалось бы, как можно назвать

«врагом» несчастного подростка, отправленного ныне на лечение. Но он продукт тех ельцинских девяностых, когда глумились над страной и её народом, над отечественной историей и с понятием «совок» замели и вышвырнули в выгребную яму и культуру, и образование, и национальные наши достоинство и гордость. И совсем не обязательно было рождаться в годы правления Президента, пьяно хрипевшего «калинку-малинку». В наследство от того разорения достались нам тысячи тысяч таких пареньков, и мы ещё долго и жестоко будем расплачиваться за те девяностые.

Ермаков. Все же с вашей оценкой Ельцина и девяностых я не согласен. Домонгольские храмы Смоленска свидетельствуют о другом – о жизни. А подросток-поджигатель рос ведь в семье, и эта семья – ячейка как раз советского времени. Да и поджоги, подобные этому, случаются по всему миру, начиная с храма Артемиды в Эфесе...

Аникеев. Известный исследователь русского деревянного зодчества академик Ополовников писал: «Удивительная и единственная в своем роде, эта церковь – лебединая песня народного зодчества». Не уберегли лебедушку... Погиб Богородичной чистоты символ России, уничтожен бесценный памятник, шедевр русской архитектуры, вошедший во все учебники истории искусств, который значил для нас, может быть, даже больше, чем Собор Парижской Богоматери для французов. Но никто нам не соболезнует и не выражает желания помочь...